

МУДРОСТЬ ВЕЧЕРНЕГО ДНЯ

К 85-летию со дня
рождения В. А. Каверина

Еще, казалось, вчера на улицах Переделкина можно было встретить Чуковского, Шагиняна, Шкловского; мгновение назад — Катаева...

...Вчера, но это уже десятилетия, годы, месяцы.

Живой, вечно зеленый, не реликтовый лес передел. Но, к счастью, остались еще как бы не подвластные времени, хотя и хрупкие, как все люди, старейшины, мастера, учителя многих литературных, да и не только литературных поколений. Как хорошо, что они есть, что можно зайти на дачу к Вениамину Каверину и увидеть, что он работает.

Два года назад он подарил мне книгу «Вчерашний день», с подзаголовком «Письма, встречи, портреты». Мы говорили о настоящем, а мне хотелось услышать о прошлом, что не вошло в книгу. Я знал и чувствовал, что, много и плодотворно работая сегодня, Каверин вовсе не принадлежит прошлому, но охраняет его.

Что это значит? Я не имею в виду гибнущие памятники. Речь также не о литературных памятниках. Скорее Каверин охраняет и продолжает живое движение литературы 20-х годов, время поиска, новаций, потерь, обретений, обостренного поиска слова. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно», — так вроде бы приветствовали друг друга товарищи Каверина — серапионы.

В это время создавались советская проза, поэзия, публицистика, вырастая из прошлого, из классического наследия, по молодости споря с ним и все-таки возвращаясь к нему.

Казалось бы, эти писатели, чья юность совпала с двадцатыми годами, вовсе и не нуждаются в защите. Оказалось, нуждаются, ибо их наследие некогда трактовалось ложно, подвергалось нападкам, задвигалось во второй ряд. О Михаиле Зощенко, своем близком друге, Каверин писал: «...Я чувствовал в нем неясное напряжение, неуверенность, тревогу. Казалось, что он давно и несправедливо оскорблен, но сумел подняться выше этого оскорбления, сохранив врожденное ровное чувство не льстительности, а радушия, добра». Врожденное чувство радушия, может быть, и помогло Зощенко выжить, как мы знаем, «судьба» была крайне неблагоприятна к нему. Среди тех, кто поддерживал Зощенко от грубых и дилетантских наветов, был В. Каверин. Также поддерживал он и поэта Д. Хармса, исчезнувшего навсегда в 37-м, Н. Олейникова с его тоже горькой судьбой.

«Охранитель древности» — это определение принадлежит прекрасному и несколько полузабытому писателю Юрию Домбровскому, это — название его романа. Но здесь древности недавние, живые, которые надо не только сберечь, но и сохранить, спасти для будущих читателей. И это Каверин все делал с чувством достоинства и ответственности, понимая, что без них нет ни исторической правды, ни знания своего времени, а значит, нет и готовности к будущему.

Но рядом с эссе и исследованиями, портретами, с любимыми Кавериним Тыняновым, Шкловским, Тихоновым, Заболоцким, рядом с «Бароном Брамбеусом» — книга об Осипе Ивановиче Сен-

ковском — основателе русского востоковедения, есть и другое, а, может быть, и главное в Каверине: его собственная проза, через которую прошли, не забыв ее благородных уроков, многие и многие поколения. Я до сих пор помню детгизовское издание «Двух капитанов», ветхое, зачитанное, с прекрасными картинками, открытым лицом Сашки, иезуитской физиономией Николая Антоновича. «Два капитана» — это книга всенародной известности, книга многих поколений, полная тайн и очарования, она так выделялась живой своей интонацией, необычным сюжетом, страстями, сильными характерами среди множества назидательных книг из разряда обязательного чтения, с положительными юнцами — без труда перековы- вающими отрицательных.

«Два капитана» — очень обаятельная, притягивающая в реальный и придуманный мир книга. Этот мир, созданный Кавериним, был суров и даже страшен, но так влекло, так хотелось оставаться надолго, может быть, навсегда в нем.

И действительно, Санька, Катя Татаринова и Ромашка жили вместе с нами в нашем детстве, переходя из поколения в поколение, как переходил Том Соьер и Гек Финн.

«Два капитана» — какое прекрасное название!

В 1939 году эта только что напечатанная в журнале «Костер» повесть подверглась «проработке». В одной из наших молодежных газет сурово указывали автору: «Возникает недоуменный вопрос: «Зачем надо было сейчас, когда подавляющее большинство работников школ — честные люди, культурные и образованные педагоги, любящие свое дело, давать повесть со столь уродливым, столь извращенным, неверным изображением школьной среды, учеников, педагогов?»

Не правда ли, знакомо! Сколько раз мы еще услышим на протяжении последующих лет и десятилетия подобные приговоры в отношении других книг, других писателей.

Повесть достойно защитил 23-летний Константин Симонов в статье «О литературе и правилах внутреннего распорядка».

У В. Каверина есть проходящая через все его творчество тема — правда науки. Нравственное достоинство ученых, способность противостоять агрессивному напору удобной и управляемой отцом всех наук лженауке, лжекультуре.

«Открытая книга». Каверин начал работать над ней в 1949 году. Еще так свежа была сессия ВАСХНИЛ с разгромом генетики, еще свежи были в памяти дело Роскина и Ключевой, честных оклеветанных ученых; еще верховодила Лепешинская. Ее пародийные опыты изучались во многих институтах.

Работая над повестью «Оправдан будет каждый час» об отце, о биологии, я часто возвращался мыслью к этой и другой книге Каверина «Двойной портрет». Думал о прозорливости, о честной позиции писателя, в то время, как многие другие по конъюнктуре или по заблуждению воспевали гонителей науки.

«Прошлого не воротишь, и печалиться незачем», — как поется в песне. Но забывать о нем нельзя.

В «Открытой книге» нет ни параллелей, ни отзвуков тех тяжелых событий, но в ней есть дух мысли, противопоставленный вульгарности, авантюризму, научному делячеству. Впрямую Каверин к этим проблемам подошел в «Двойном портрете» уже позже, в 1964 году. Корней Чуковский писал ему: «...Вы показываете на живых и необыкновенно убедительных примерах, какова была та атмосфера, в которой рождались Лепешинские, Лысенко, Презенты и другие...»

Каверину — 85 лет. Он почти ровестник веку. Он видел, знал, помнил многое в истории литературы, истории страны. И сам он часть этой истории.

Но, кроме того, он активно и плодотворно работающий писатель.

Лет десять назад я видел, как он мчит на велосипеде по Переделкину.

«В России литература всегда была делом личным, — писал Каверин. — Каждая серьезная книга как бы превращалась в письмо к совести и разуму читателя, к его радостям и страданиям. Конечно, речь идет не о жанре, а о той духовности, которая пронизывает все лучшее в ее тысячелетней истории. Обращение к множеству всегда было в нашем искусстве и литературе обращением к личности, которое диктовалось стремлением не только познать, но и преобразить ее». Проза, эссеистика, драматургия Каверина — это тоже обращение к личности, стремление ее познать, понять, потом уже преобразовать. Еще недавно на комиссии по наследию Пастернака я слушал его прекрасную речь, открытую и заинтересованную в прошлом и будущем нашей литературы...

И я молю судьбу, чтобы она отписала ему побольше, чтобы он по-прежнему не уступал возрасту, чтобы вечерний день длился и был полон дум и работой.

Владимир АМЛИНСКИЙ.

МОСКВА.

● В. Каверин.

Фото Н. Самойлова.